

«Любящий Вас Срезневский»

Из переписки И.И. Срезневского

Письма Измаила Ивановича Срезневского [1], известного академика-слависта XIX века, к священнику из рязанского села Срезнево Василию Григорьевичу Катинскому, публикуются впервые. Они раскрывают духовный облик человека, связанного родственными узами со своей малой родиной. Так случилось, что постоянно загруженный научной и преподавательской деятельностью, отцовскими заботами в своей большой семье, где воспитывались четыре сына и четыре дочери, Измаил Иванович только в последние годы сумел побывать на родине своих предков. Его отец Иван Евсеевич Срезневский, профессор, основатель кафедр русского красноречия и древних языков в российских университетах, еще в юности покинул село, где осталась большая родня.

В конце 1850-х годов Измаил Иванович начинает переписываться с двоюродным братом Семеном Акимовичем Срезневым [2], который беспокоился о том, знает ли Измаил Иванович что-то о родовом селе, ведь в последний раз в Срезнево его привозили в двухмесячном возрасте. Измаил Иванович помнил и село, и родню, писал брату, что «хочется побывать на родине» [3].

Мечта его осуществилась только через 20 лет. Посетив родные края в 1878 году, он последние два года жизни продолжал переписываться с родственниками, особенно с двоюродным племянником В.Г. Катинским. Именно ему он доверяет заветное желание обзавестись своим домом и «поселиться на берегу прелестной Оки» [Там же]. С ним он более всего близок духовно.

Василий Григорьевич Катинский (1837 г.р.) в 23 года окончил Рязанскую духовную семинарию. Вступил в должность наставника в местном приходском училище, а через год стал по указу консистории настоятелем приходского храма Покрова Божией Матери в Срезневе. Прослужил здесь до 1901 года. За назидательное служение церкви награжден скуфьёю, за оказанные услуги по народному образованию — набедренником, за ревностное участие в церковной жизни не раз получал одобрение Епархиального совета. Имел жену, четырех детей [4].

В письмах к В.Г. Катинскому просматривается глубокое уважение и забота Измаила Ивановича о своих родственниках, желание помочь им

душевными и практическими советами, поддержать материально. Письма показывают его разносторонние практические навыки. Он с удовольствием делится не только научным опытом в способах описания памятников, но и далеких от профессиональных интересов архитектурных изысканий сельских построек. Вместе с тем он сам просит откровенных советов, рассказывает о своих трудностях со здоровьем, с переездом на новую квартиру. В письмах читатель найдет впечатления Измаила Ивановича о значимых для него событиях: о праздновании 50-летнего юбилея, о добрых отношениях на службе в академии и университете, о семейных праздниках, о радостях общения со своими детьми. И все-таки в этих письмах прослеживается основной лейтмотив – любовь к родному краю, желание и поиск возможностей вернуться в любимые места. После чего становится понятным завещание большого ученого из Петербурга быть похороненным не на Волковом кладбище, а на сельском погосте своей малой родины.

В.Г. Катинский остался верен дружбе с И.И. Срезневским, принял самое активное участие в выполнении завещания своего родственника. А спустя десять лет был организатором строительства сельской школы – памятника великому ученому. И рядом с местом упокоения «звучала русская речь, для которой он так много потрудился» [5].

В 2012 году исполнится 200 лет со дня рождения академика И.И. Срезневского. Его письма помогут представить нашим современникам облик ученого с разных сторон жизни.

И.И. Срезневский – В.Г. Катинскому

Петербург.

4 сентября. 1878 г.

<...> План сделан на 2 этажа, а не на один с антресолями, как видно по снимку (хоть он и несовершенно верно построен инженером, но для избы ли это помышлять). Из столовой (во 2 этаже) на ширину дверей не положено. Печки в кухне тоже нет, не говоря что о других комнатах, потому что печь нарисована только одна в зале, а не на верху в проходной. Чертил все, вероятно, ученик-мальчик, и работа его осталась не просмотренною. Он, может быть, писал и сам да с умыслом, писал как маляр и работник. Вот последнее (в прочих днях): каменщиков 84, плотников 110, столяров 46, кровельщиков 36, печников 70, маляров 32, расчечников (от всего) 92. По этому образцу можно судить обо всей книге [6].

Другая книга «Мотивы русской архитектуры». Издание А. Рейнбор (литограф) [7]. Книга еще более роскошная, исполненная при участии

разных художников. Выходила четырежды – и даже только рисунки и планы (иногда) домов, церквей, с рисунками зеркал, чайников и другой посуды. Есть посуда очень хорошенькая; еще чаще встречается изукрашенное уродливо.

В прошлом году вышла книга «Руководство к постройке сельских зданий» с чертежами в тексте и пояснениями в конце книги [8]. Издание мне показалось не удовлетворительным. Все эти планы начерчены в одинаковом размере по квадратикам, оттиснутым в бумаге, иногда каждый квадратик взят за 1 квадрат аршин. Печи зачернены. Зачернены и те чуланчики, которые всякому нужны. Я не боялся по-городскому делать что-либо даже в самом доме, что особенно важно зимою – особенно для нездоровых. Все другие помещения написаны названиями. Расположение комнат так, чтобы на север не было окон. Конечно, кроме крылец, светелки с балконом – крылечко для сидения; но на это я скупился, хотя и по опыту знаю, что для быта это необходимо, они могут быть полезны для склада всего ненужного или же и пригодного. На плане два хода, следовательно, двое сеней и, конечно, быть передней: это нужно для чистоты и удобства.

Остановился я на одном только строительстве деревянного дома, к которому можно припророчить план для вас годный. Буква А.

Другая похожая книга вышла в 1872 году под названием «Сельские постройки и земляная механика». Составлена по 2 изданию книги Лефуры землевладельцем Ленковским в 1872 году [9]. Хотя эта книга и не содержит в себе ничего непосредственно применимого к вашему домику, при учете кое-каких надбавок не представляет ничего нового; но по разным объяснениям, параметрам, расчетам и советам мне показалась очень любопытною. Я читаю ее по вечерам перед сном.

Впрочем, за 1872 год вышла большая книга почти такого же содержания под заглавием: на одной странице читаете «Архитектор-техник, самоучитель и направление в работах», а на другой противостоящей «Образцовый строитель», выпущенная О. Фридриксом и А. Усовым [10]. По заглавиям можно судить, что издатель имел в виду приманить покупателей. В книге есть обо всем, кое о чем и даже об оранжереях, и много другого; но пользоваться ею едва ли можно.

За год до ее выхода вышла в свет другая большая книга, на нее очень похожая, с двумя заглавиями. На одной странице читаем «Строительная практика. Общее руководство, на другой «Самоучитель строительного искусства, специальное руководство» [11]. Если бы пришлось выбирать, то я бы выбрал эту, а не ту. В ней много чего полнее можно почерпнуть. Много и чертежей, рисунков о декоре и деталях в конце, которые, кажется, из какой-нибудь прошлой книги. Русского ничего нет. Я снял 2 фасада. Буквы Б и В. Думал было послать сегодня, но глаза устали, голова болит.

На другой день.

И все-таки голова болит, как не болела прежде. Вообще я как-то разволновался. Планы послал снять. План Б мне нравится, надобно только печку прибавить. Применить его к Вашим трудам нетрудно, образовать новую кухню. На том же месте еще найдете два плана. Закончу письмо просьбою: сделайте одолжение, пришлите маленький образчик ткани, из которой у вас обтянутся стулья, с очень веселым цветом. Мы хотим просить Вам заказать. Все мы всех вас целуем. Ваш И. Срезневский.

И.И. Срезневский – В.Г. Катинскому

Петербург.

18-е сентября 1878 г.

Милые наши, Василий Григорьевич, Ольга Семеновна [12], бабушка и внуки!

Наконец вот уже 3-й день как мы переехали с дачи в город, почти совсем устроились и даже отпраздновали два дня именин. Все бы хорошо, если бы не моя нервная немощь, о которой я Вам, кажется, говорил и которая называется тиком: нервы около правого глаза ниже к зубам, а вверху ко лбу и выше временами так дают себя знать, что нельзя сделать никакого движения зубами: ни проглотить что-нибудь без очень сильной боли. Иногда не приходится, уверяю, выпить ни одной чашечки чаю. Само собою, говорить тоже нельзя. Не облегчает боли, кажется, никакое лекарственное средство. Несколько помогает только ручная работа вроде стругания, пиления, точения. Этим же я и занимался на даче, где есть у меня и токарный станок, и хороший верстак. Здесь есть только верстачок, да и он стоит неудобно, что не всегда, когда бы нужно было, можно заняться, не мешая ничему. Дни мои идут большею частью хорошие. Бывает и дождь, и чаще ветер, но часто и солнце светит, да и без солнца светло. Если бы проще был переезд на дачу, то мы бы, может быть, еще оставались за городом. Хоть мы и живем на берегу Невы, и балкон есть; но все же воздух здесь не тот, что в Ижоре [13]. О сравнении с вашим чисто сельским воздухом и говорить нечего. Нам всем вспоминать не о нем одном, а о Вас самих, о всем Срезневе вспоминать с ненаглядною Окою. Кто у Вас был, тот бы хотел опять побывать, а кто еще не был, желает поехать к Вам, все мы хотели бы собраться к Вам не так, просто проездом, как было доселе, а подольше. У меня же появляются мысли: хотелось бы увидеть ту рожицу, что подле села, и какой-нибудь смежный клочок берега Оки. Хотелось бы даже купить одно из тех имений, которые Вы нам указывали по дороге в Шилово [14], как продающееся, если бы только это было по деньгам. На всякий случай прошу Вас разузнать о величине у хозяев и ценах и сообщить нам. А между тем, получив Ваше последнее письмо с ввереннейшим

намерением проситься и желанием сообщить Вам наши идеи, я попал в ту колею мечтаний, которая меня завлекала и завлекает нередко. Я люблю придумывать планы жилищ, увлекаюсь ими иногда и в такие часы, когда надо заниматься, не теряя времени. И вот, начиная с того дня, как было получено Ваше письмо, пошла у меня работа. Мне хотелось, чтобы домик Ваш был и поместительный, и уютный, и на солнце, и т.д. Хотелось мне, чтобы он не требовал и много дров зимою, т.е., чтобы в нем было окон немного. Это последнее осталось недостижимым. Как ни уменьшал размеры, все-таки оказывались лишними 2 или 3 доски, кроме кухонной. Разумеется, топка: есть печки, требующие много дров и не нагревающие, а есть и маленькие, держащие тепло долго. Все, что я придумал, посылаю Вам. Вместе с тем, однако, как бы мне ни хотелось увидеть у Вас новенький домик, не могу скрыть от Вас опасения, как бы не обошлась эта постройка слишком дорого. По моему расчету, на самый маленький из домиков, мною придуманных, потребуется около 3000 аршин бревен, т.е. девяти аршинных бревен, да досок на один пол около 300 аршин квадратных, т.е. около 135 девяти аршинных досок. Мало ли чего другого нужно будет и для основания домика, и для крыши, и для обустройства. Если тронуть Ваш сельский домик, чтобы его деревом воспользоваться для нового, то едва ли не больше почерпнуть выгоды. А поправить его пристройками и вышеперечисленными перестройками можно вопреки и исподволь, следовательно, без больших затрат разом. Об этом, впрочем, надобно бы писать не на последних строках.

Приписки к письму

1. Книгу, о которой Вы писали, постараюсь достать и просмотреть, чтобы Вам доложить. Может быть, найду что-нибудь другое.

Приготовляясь запечатывать письмо, не знаю, куда адресовать. Всего бы проще, кажется, батюшке Грацианскому [15], но боюсь его беспокоить. Напишите, как быть.

2. Но тут же, желая отправить письмо с курьером, передаю всем вам общий поцелуй! Ваш И.Срезневский.

3. Муж мой так расписался, что мне и местечко не оставил, хоть для того, чтобы пожелать Вам здоровья, спокойствия и утешения в те дни, которые Богу угодно было оставить Вас. От души целую всех Вас. Всею душой любящая Вас К.С. [16].

И.И. Срезневский – В.Г. Катинскому

24 декабря. 1878 г.

Едва ли успеваю дописать письмо это сегодня: мы все или почти все будем вместе весь вечер; а вечер уже наступил, скоро, вероятно, вернется жена от всенощной, скоро приедет и Володя со своею женою, а Вяча

[17] со своею, у нас и обедают. Я взялся за перо – лишь бы начать письмо и прежде всего поблагодарить Вас за два Ваших, из которых второе мы получили третьего дня и затем план, который принесен нам, когда мы сидели за обедом, т.е. часа за два [18]. Я уже его рассмотрел и сличил с топографической картою Рязанской губернии, у меня находящейся. Из того, что я замерил на плане, следует заключить, что почти вся земля этой дачи поемный луг и что весь берег Оки в этом месте низкий – не то, что в Срезневе, так что и усадьба с домиком, неозначенная, впрочем, на плане, где-нибудь далеко от Оки. Не знаю, впрочем, так ли это на самом деле.

Целую вас всех и желаю всего, всего лучшего. Ваш любящий И. Срезневский.

25 декабря.

Приветствую Вас всех от всех нас с наступившим праздником.

Вчера вечером собрались у нас все наши, не считая и моей племянницы Людмилы [19] с мамашей, была и елка, которую осветил и украсил Всеволод [20], и к которой он приготовил несколько самодельных подарков. Самые важные заключались в переводах с французского: по моему выбору он перевел и написал, как умеет, красиво – две басни, о чем знали только он да я; по выбору Оли он перевел тайком без меня довольно большой рассказ и подарил мне. Все эти переводы сделаны были им самим так, что никто не должен был принять ни малейшего участия в его работе. Самое важное, чего мы в этом отношении достигли с ним, это – настолько успеть во французском языке, чтобы он мог всякое переведенное на удачу любое из четверостиший сейчас же перевести, причем, разумеется, не должно было браниться в расчете незнания какого-нибудь ему еще не встретившегося слова. Он и доказал это – на переводе из Бдений Антокольских, которые неизвестны ему ни сколько. Главное в этом успех! Всеволод-то начал учиться по-французски только за год перед этим. Так что в прошлогодней елке мог, как нечаянным подарком, утешить мамашу и всех, кроме меня, участника в его тайне, чтением наизусть только маленькой басенки французской и умением ее перевести на русский (на что нам приятны были плоды труда). И этот успех не был в ущерб чему бы то ни было бы другому: ни латыни, ни греческому; географических знаний у него, можно сказать, много; история также у него чередом, потому что ему нравится; музыка и рисование тоже не забыты. Кто помнит моего милого мальчика – не могут забыть, что не нужны ни малейшие наставления, чтобы он стал заниматься или пошел брать урок: он всегда это делает так же свободно, как умывается и одевается, как садится за обед и т.п. На старость мне это тоже утешение, о котором я и мечтать не мог, когда был помоложе.

Сегодня все наши, кроме меня и Оли [21], отправятся на елку к Вяче: одни до обеда, чтобы помочь украшать елку, другие после обеда. Я остаюсь дома по нездоровью, которое удерживает меня дома, а Оля – для меня, чтобы мне не было скучно в одиночестве.

Жду с нетерпением новых известий от Вас по Горбуновской даче, по той маленькой Старо Рязанской, о которой Вам сообщал Иван Никитович [22]. По отношению к Срезневу обе они не слишком обольстительны: каждая почти одинакова по близости к Вам. Горбуновская, кажется, невыгодна в отношении к вознаграждению процентами за потраченный капитал; но выгодна ли для жилья? О Старо Рязанской Вы пишете так мало, что из Ваших сообщений я не узнал ничего. Буду ждать.

Теперь, вероятно, и зима по-особому у Вас остановилась. У нас царит более мягко: мороз доходит до 2 и 3 градусов, не больше, а недавно была даже оттепель. Но такая теплая она на западе, между прочим, и в Англии, где все застлал туман и видно только с помощью газа светящегося, приспособленного для освещения.

25 октября 1879 г.

Дорогие наши Василий Григорьевич и Ольга Семеновна!

Давно-давно я не писал Вам – сначала потому что думал и надеялся сам к Вам ехать, а потом по болезни, от которой не избавился до сих пор. Нельзя сказать, чтобы в первую половину лета мне было хорошо, а после становилось еще хуже и хуже. В июле я бы, может быть, и решился ехать, но не было б к тому: мы должны были переменить квартиру, потому что дом, где мы жили, перепроданный, определен был новым хозяином к полной перестройке. Долго поочередно искали другую квартиру и укладывали вещи, между прочим, и книги, которых оказалось около 140 ящиков. Затем хлопотали об устройстве всего на новой квартире. Я во всей этой возне не принимал никакого участия; только раз съездил в город с дачи, чтобы удостовериться в удобствах новой квартиры и решить не искать другой; но зато они заняты были почти до конца осени. Никому из нас нельзя было ехать; а я, между тем, заболел. Вместо большой поездки, я думал съездить в Тверь – на несколько дней; но и на это не достало сил. Теперь проходит всякий день, чтобы я не лежал большую часть времени от слабосилия, нередко и спя, будто ночью. Занимаюсь очень мало, иногда во весь день нисколько. Служебные свои обязанности стараюсь выполнять и выхожу (большею частью) два раза в неделю в Академию и в университет почти неукоснительно; а затем все время дома. С приездом с дачи не был не только ни у кого из знакомых, но и у женатых детей. Нездоровье мое поддерживается,

вероятно, и погодой. На днях выпал у нас снег при небольшом морозе; казалось, начнется легкая зима, а сегодня – течет, и того и гляди, полозья сменяются колесами.

Мы живем теперь на доме по Васильевскому острову на 1 линии (2–40). Помещение наше значительно просторнее, но не во всех других отношениях выгоднее прежнего. Так, между прочим, мы живем теперь значительно выше, нет открытого вида, меньше окон на солнце. Мое собственное помещение, если совершенно устроится, будет очень удобным. Пока я не был в силах пользоваться этим удобством.

Сердечно благодарю Вас, Василий Григорьевич, за постоянное внимание к моему желанию стать собственником уголка на Оке – если не в Срезневе, то близко. Авось это как-нибудь и удастся. И жене моей Ока очень, очень понравилась, гораздо больше, чем Волга.

В письме своем Вы сообщили несколько сведений об открытии Вами памятника с годом 7137. Старец-камень 230-лет – для такой местности, как Срезнево, почтенный старец. Жаль, что теперь уже прошло удобное время для снятия снимка с камня, но когда настанет опять тепло, Вы, может быть, найдете свободный часок для этого. Сделать это надобно так: прежде всего вымыть ту сторону камня, где надпись; затем увлажнить нужное по длине и ширине камня количество бумаги, не тонкой и не очень проклеенной, наложить ее на камень – не разом, а место за местом – и сырой тряпкой надавливать бумагу к камню – так чтобы она вдавилась во все большие и малые норки камня, а достаточно вдавивши сырой тряпкой, проводить тоже сухой до тех пор, пока бумага совершенно высохнет. Перед снятием высохшей бумаги с камня отметить знаками, как соприкасаются листы бумаги один к другому (с той стороны, которая прилагается к камню). Для лучшего сбережения того, что оттиснулось на бумаге, можно покрыть ее, до снятия с камня, угольной пылью так, чтобы эта пыль пристала к бумаге всюду, где есть впадины, так, чтобы все впадины остались белыми.

Такой снимок может быть безвредно сгибаем, свертываем. С него можно делать уменьшенные снимки и пантографом и фотографически – в том и другом случае и с пользой для прочтения нечитаемого и вообще для разбирания не разбираемого (разных украшений и т.п.) Наловчиться делать такие снимки можно и зимою с каких бы то ни было предметов, имеющих украшения, надписи и т.п. на своей поверхности, с церковных чаш, с денег и пр. Чтобы угольная пыль ровнее и гуще приставала к поверхности бумаги, можно пользоваться таким приемом: небольшой кусок замятой бумаги (например, сахарной) натереть углем, подравнять натертое пальцем, и затем этим начерненным куском бумаги тереть по бумаге, вдавленной на камне или на чем другом. Во всяком случае надобно стараться, чтобы этот камень не пропал бесследно – для какой-нибудь поделки или в частном собрании вещей.

Вот что значит, Василий Григорьевич, дать случай говорить или писать о близком сердцу. Я наговорил много, что, вероятно, наскучил Вам. Что же делать! Ведь уж слишком 30 лет я занимаюсь снимками разного рода и успел собрать их значительное количество – сотен пять или шесть – все с памятников древних – более всего до 1400 года.

На этом я и покончу свое письмо, которое писал несколько дней по-немногу. Только конец испачкал разом.

Целую родственно всех вас с доброю бабушкой – от себя, от родных и от всех друзей, которых Вы знаете и не знаете, – и сердечно прошу всех не забывать нас. Искренне любящий Измаил Срезневский.

Приписка Екатерины Федоровны.

Милая Ольга Семеновна, бабушка Лиза и Василий Григорьевич!

Давно мы Вам не писали, но думали о Вас и вспоминали очень часто. Летом в те дни, которые мы провели в прошлый год с Вами, мы чуть не каждый час вспоминали, что мы делали и где были 3 года перед этим. Как мы с Вами ездили в дубраву, как гуляли, как поехали в Шилово и т.д. С большим бы удовольствием повторили это путешествие!

Вы писали нам, что ждали нас к себе в сентябре. Почему это? Мы, кажется, не писали, что собираемся, да если бы и приехали, то скорее летом, нежели осенью. Люля [23] поручила мне просить Вас, Василий Григорьевич, прислать ей мерку образа Тихвинской Божией матери, ей хочется написать Вам в церковь [19]. Ежели же Вы его уже приобрели олеограф[ический. – Н.К.], то напишите, какой Вы бы желали другой и пришлите размер. Не приедете ли Вы сами в Петербург – ведь Ваш Архирей здесь на очереди [24]!

До свидания, мои родные. Целую всех Вас и желаю Вам приятно и спокойно провести зиму. Всей душой любящая Вас К. Срезневская.

И.И. Срезневский – В.Г. Катинскому

8 мая 1879 г.

Искренно благодарим Вас за добрый привет и за Ваши хлопоты о даче для нас на берегу Оки неподалеку от Вас. Отмеченная Вами теперь дача, хотя и не вполне удовлетворяет моему желанию быть близко к Вам и новою связью душевной скрепить родственный союз, все-таки была бы не совсем пригодна, если бы ее покупка не была связана с такими сомнительными обстоятельствами. Тут дело идет не о простом приобретении собственности от ее владельца посредством покупки; а и о займе денег под вексель, о взыскании этих денег и т.д.; иначе говоря: надо начать целый ряд дел, следовательно, беспокойств, вызываемых

разного рода хлопотами, сомнениями, отношениями и к таким людям, от которых чем дальше тем лучше. Положить, что Бенедиктов [25] и честнейший человек, что ему и в голову не может придти обмануть другого выманкою денег под вексель и т.д. Но ведь он может умереть, дело после смерти может получить другой оборот – и тогда... Кроме того г. Бенедиктов сам положительно не знает, что ему принадлежит: он пишет только, что во владении его покойной сестры было столько родственников; и сколько их есть теперь, ему принадлежащих или имеющих принадлежность, не говорит, следовательно, не знает. Мне кажется, что покупка у него может быть сделана только тогда, когда он окажется полным владельцем дачи, имеющим право продать по простой купчей. Лучше заплатить дороже, но без всяких хлопот, чем купить не дачу, а обязанности хлопотать, приобретае ее. Сердечно благодарим Вас за старание и желаем надеяться, чтобы они покончились успехом. О Новоселковской даче, может быть, Вы напишете г. Бенедиктову, чтобы он прежде выхлопотал себе право на владение ею, и тогда бы вошел в переговоры о продаже.

Мой юбилей был для меня невиданным торжеством [26]. За месяц только из газет я учитал, что он готовится, что именно готовилось и приготовилось, узнал только в день юбилея, 5 апреля. Я получил много приветствий, адресов и дипломов от здешних и нездешних, наших и заграничных учреждений и лиц, между прочим, сделали и почетным членом Санкт-Петербургской Духовной Академии – так что теперь имею честь быть почетным членом во всех четырех наших Духовных Академиях (чему, как меня уверяют, могут позавидовать и митрополиты) [27]. После учрежденного приема депутатов был торжественный обед, в одном из новых дорогих ресторанов, привлекший более 120 подписчиков, т.е. давший содержание более 1200 рублей. На этот обед приглашена была, как почетные гости, вся моя семья [28]. И это придало обеду дорогой для меня цвет семейности. Было и по обычаю много речей, но не по обычаю не было ни слова, от которого мог поморщиться хоть один из присутствовавших... С юбилеем ускорили (именовали бы в августе), чтобы могли присутствовать все желающие, чего летом нельзя сделать. Хлопотали обо всем мои прежние слушатели, теперь товарищи.

За юбилеем начались для меня тяжелые дни: утра проходили в благодарственных посещениях, вечера – в писании благодарственных писем и прошений. Ни то, ни другое не кончилось еще и поныне, потому что и теперь я получаю приветствия и дипломы на почетные звания, не говоря уже о невозможности их посещать.

И все же это вышло из того, что мне удалось рано начать научно-трудовую жизнь и не умереть раньше.

Целуем Вас всех от нас всех. Ваш И. Срезневский.

Примечания

1. Семь писем было уже опубликовано (Русская речь. 2008. № 4). Публикуемые письма И.И. Срезневского к В.Г. Катинскому хранятся в РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 1. Ед. хр. 1050. [24 лл.] (3 сент. 1877 – 8 мая 1879 г.).
2. *Семен Акимович Срезнев* (Симеон Иоакимов Срезнев), сын младшего брата И.И. Срезневского, был священником церкви Покрова Пресвятой Богородицы с. Срезнева с 1830 по 1861 гг.
3. Письмо С.А. Срезнева И.И. Срезневскому. См: ОРРК РНБ. Ф. 734. Оп. 1. Д. 18. Л. 7.
4. См: Клировые ведомости за 1880, 1896 гг. // ГАРО. Ф.627. Ед. хр. 240. Д. 26.
5. См: Открытое письмо Рязанского епархиального училищного совета о постройке в память И.И. Срезневского народной школы в селе Срезнево. 3 марта 1893 г. // РГАЛИ. Ф.436. Оп. 1. Ед. хр. 1920.
6. Продолжение данного письма. Описание книги: Практическая архитектура городских, загородных и сельских зданий, приспособленная к простому изучению всевозможных сооружений в современном вкусе, дающая возможность, при разнообразном выборе затейливых, простых фасадов и планов, служить удовлетворительными образцами с приложениями расчета на количество материалов и рабочих, потребностей на каждое здание / Сост. Н. Желтухин, при участии инженера-архитектора В.Г. Залесского. М., 1862.
7. *Богомолов*. Мотивы русской архитектуры / Богомолов, Валберг, Ропет и др. СПб., 1874–1880. С.50.
8. Руководство к постройке сельских зданий и устройству хозяйственных ферм/Сост. Ал. Николаев. СПб., 1862.
9. Сельские постройки и земляная механика / Сост. Ленковский, изд. Лефура. 1872. Место издания уточнить не удалось.
10. *Фридрикс О.* Образцовый строитель. Общедоступная школа / *Фридрикс О., Усов А. М.*, 1872.
11. *Скрябучинский*. Самоучитель строительного искусства. М., тип. «Шюман», 1871. С. 332.
12. Жена В.Г. Катинского.
13. В Ижоре, под Петербургом, находилась дача И.И. Срезневского.
14. Шилово – населенный пункт на Оке, в 18 верстах выше Срезнева.
15. Возможно, упоминается *Грицианов Николай Кириллович*, протоиерей Успенской церкви г. Касимова, служивший там с 1840 по 1894 год. См.: Словарь фамилий рязанского духовенства по данным Рязанских епархиальных ведомостей за 1865–1894 гг. / Сост. М.Б. Оленьев. См.: электронный ресурс <http://www.history-ryazan.ru>.

16. Приписка *Екатерины Федоровны Срезневской*.
17. *Владимир Измайлович* и *Вячеслав Измайлович* – сыновья *Измаила Ивановича*.
18. Из писем В.Г. Катинского к И.И. Срезневскому. См.: ОРРК РНБ. Ф. 734. Оп. 1. Письмо от 11 декабря 1875 г. Л. 7–8 об.; С письмом от 20 декабря 1878 г. получен план имения г. Горбуновой, находившегося между Срезневым и Старой Рязанью. См.: Л. 9 – 10.
19. *Людмила Николаевна Срезневская* – писательница, переводчица (г.р. 1891. См.: Выписка из метрической книги. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 328), дочь *Николая Ивановича Срезневского* – брата *Измаила Ивановича*, подполковника царской армии, проживавшего в Костроме. См.: Указы Императора Николая II о присвоении очередных воинских званий. РГАЛИ. Ф. 436. Оп. 2. Ед. хр. 326.
20. *Всеволод Измайлович* – младший сын И.И. Срезневского.
21. *Ольга Измайловна* – старшая дочь И.И. Срезневского.
22. Не удалось выяснить, кто такой *Иван Никитович*.
23. *Людмила Измайловна Срезневская* (1852–1937) – вторая дочь И.И. Срезневского, художница, искусствовед, окончила Петербургскую Академию художеств. РГАЛИ, Ф. 436. Оп. 2. Предисловие.
24. Предположительно, это епископ Рязанский *Палладий* (Раев), управляющий Рязанской епархией с 1876 по 1882 годы, состоявший в синоде С.-Петербурга. По сведениям Рязанского Епархиального управления. См: электронный ресурс <http://www.history-gyazan.ru>.
25. *А.Д. Бенедиктов* – владелец дачи в селе Новоселки (в одной версте от Шилова), владимирский помещик, мировой судья деревни Набережная Ковровского уезда. ОРРК РНБ. Ф. 734. Оп. 1. Л. 11 – 12.
26. Юбилейная дата «Пятидесятилетие научной деятельности академика И.И. Срезневского» отмечалась в Петербурге 5 апреля 1879 года (подробнее об этом: Памяти *Измаила Ивановича Срезневского*. Петербург, 1916.)
27. Звания Почетного члена Духовных Академий присвоены И.И. Срезневскому: Киевской (1869 г.), Московской (1875 г.), Казанской (1877 г.), Петербургской (1879 г.) Духовными Академиями. См: Русский биографический словарь / А.А. Половцев. СПб., 1909. С. 289.
28. Именные Пригласительные билеты на обед в ресторан *Огюста* членам семьи. РГАЛИ. Ф. 436. Оп.1. Ед. хр. 1616.

Предисловие, подготовка текста
и примечания **Н.В. Колгушкиной** ©,
директора Музея академика И.И. Срезневского
при Рязанском государственном университете
имени С.А. Есенина